

По отношению к каким (какого рода) темам/проблемам публичная социология сегодня возможна и необходима? Какие техники и методы в рамках публичной социологии больше подходят для разработки тех или иных проблем?

Задача нашей публичной социологии на сегодня – способствовать формированию профессиональной социологии (т.е. работать над стандартами социологического образования, например, или ставить под сомнение позицию тех, кто считает, что социология должна обслуживать власть и в этом заключается ее публичная роль интегрировать российскую социологию в мировой дискурс).

Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?

Вправе – не вправе, а «влияет» как дискурс. Это вопрос о связи знания и социальной реальности. Что тут сказать? Чрезвычайно важен вопрос о том, кто представляет социологию на общественной сцене в России и в мире. Это представительство не только персонализировано (по именам), но и институционализировано. Если это Левада-Центр, то это одно влияние, а если организация, которая назвала себя ССР – то другое.

Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)? Если да, то насколько эта тенденция глубока, в какой степени затрагивает практики социологического исследования и письма? Если нет – почему?

Эта тенденция началась еще в 1970-е годы после студенческой революции 1968. Связано с неомарксизмом и новыми движениями, развитием постколониальной этнологии, изменением границ социальных наук, с появлением легитимацией в социологии таких подходов как акционистское исследование и проч. По-моему назад дороги нет, хотя взаимная критика этих установок – «на объективизм» и «участие» – будет продолжаться.

Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?

Думаю, что для нашего социологического сообщества – это развитие гражданских инициатив, и формирование профессиональной социологии. Такой двуликий Янус.

Карин Клеман

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

Как мне кажется, у современной российской социологии нет «публичного лица». О социологии, как правило, люди знают только то, что время от времени публикуются социологические опросы, и эксперты объясняют, что «сколь-то процентов россиян думают так», а «сколь-то процентов думают иначе». Даже если не разделять тезис П. Бурдьё о том, что социологические опросы – скорее инструмент в руках правящих политиков, и скорее конструируют нечто, наименованное «общественное мнение», то можно, по крайней мере, выразить недовольство тем, что публичная роль социолога сводится к комментариям процентов. Впрочем, есть объективная причина того, что у социологии нет «публичного лица» – сейчас наблюдается отсутствие или крайняя ограниченность сферы публичных дебатов.

А на вопрос о том «для кого» и «для чего» существует социология, я бы ответила, что в данный момент складываются три категории социологов.

Первая – и самая многочисленная – это те, кто желают и могут обеспечить собственную карьеру. Грубо говоря, эти социологи работают так, чтобы собрать как можно больше административных ресурсов. Это реалии не только сообщества социологов, но вообще российского общества. Соответственно, это категория социологов занимается тем, что легитимирует политический курс, сложившуюся общественно-политическую модель. Причем они могут это делать вполне искренно. Просто, будучи членами данного общества, они освоили привычные схемы мышления и поведения в этом обществе.

Вторая категория работает для тех, кто платит. Она только отчасти пересекается с первой категорией, поскольку платежеспособными заказчиками исследований является не только государственные организации, но еще и коммерческие структуры, политические партии и иностранные фонды. Здесь возникает соблазн (опять-таки, осознано или нет) предугадать желаемые заказчиком результаты и удовлетворить заказ.

Наконец, есть третья категория, самая малочисленная, социологов, которая пытается сохранить минимум независимости, честно и профессионально занимается своим делом. Однако, именно потому, что эти социологи не играют по господствующим в институциональной системе страны правилам, они не получают доступа к крупным СМИ. Многие, кстати, к этому и не стремятся. Отсюда следующий вывод – либо голос социологов в редких публичных дискуссиях вообще не слышен, либо он сводится к экспертному мнению, «научно» придающему легитимность официальной точке зрения власти или заказчика. Исключений крайне мало – это в основном либо очень статусные со-

циологи, которым уже ничего бояться, либо молодые и критически настроенные.

Только буквально последнее время наблюдается обратная тенденция к мобилизации некоторой части социологов и стремление поднять голос по значимым социальным проблемам. Это началось со скандалом на социологическом факультете МГУ и продолжалось, например, публичным обращением социологов, специалистов в сфере трудовых отношений, в поддержку забастовочного движения.

Майкл Буравой разделяет академическую, критическую, прикладную и публичную социологию по типам основных задач и аудиторий, или потребителей социологической информации. Какое разделение труда сложилось в современной отечественной социологии? Какую бы классификацию предложили вы? Чем различаются между собой эти виды социологического труда?

Я бы переводила термин Буравого «policy sociology» не как «прикладная» социология, а именно как «социология на службе заказчиков», которым требуются научное обоснование для решения конкретных задач. Исходя из того, что я только что объяснила о том, «для кого» и «для чего» работает большинство социологов, понятно, что подавляющая часть социологов – это исполнители социологических заказов. Академическая социология еще более-менее держится, благодаря упорной работе известных и компетентных социологов со стажем. А вот с критической и публичной социологией у нас беда. А ведь Буравой пишет, что первая – совесть академической социологии, а вторая – совесть «policy sociology». Значит, у российской социологии очень не хватает совести.

Как мне кажется, категории Буравого надо и можно использовать, даже если две из них почти не представлены в России, поскольку это своего рода идеальный тип, на что нормальное социологическое поле должно быть похоже. Я бы добавила, что граница между категориями – не непроницаема. Я даже предполагаю, что единственная возможность для отечественных социологов играть публичную роль или выполнять критические функции – это делать это в свободное от оплачиваемой и «заказной» работы время. Вполне возможно четко разделить те социологические работы, которые отвечают тем или другим заказам, с одной стороны, и, с другой, выступить как гражданин, опираясь при этом на социологическое знание, в публичных дебатах. Понятно, что это может создать репутационные проблемы, но они решаемы. Еще легче сочетать академическую и критическую или публичную социологию. Единственное условие – четко разделить эти сферы и честно объявить, когда выступаешь в одной или другой роли.

Что касается российской социологии, я бы еще добавила, что не хватает эмпирической социологии, как раз потому что, как мне кажется,

она считается «ниже» по рангу, путается с прикладной социологией или считается менее «объективной». А ведь ни один социолог на Западе не достиг самых высоких позиций в теоретической социологии без предварительных продолжительных эмпирических исследований. Если преувеличить немножко, скажу, что отечественные социологи слишком мало общаются с людьми, которых они изучают. В основном знание черпается в книгах и в массовых опросах, но ничего этого никогда не заменит полевое исследование, единственный из всех методов, который дает возможность почувствовать «пульс» общества. Такое ощущение, что многие социологи боятся общества, скрываясь за анонимной анкетой, или презирают людей, которые как бы «все на одно лицо», и не могут сказать ничего интересного, ничем не могут удивить. Есть исключения – в основном это социология села, которая достаточно развита и требует полевых исследований. Отчасти социология миграции, но и здесь многие предпочитают не общаться с людьми, а анализировать статистику и прочие цифры. Очень показателен случай с социологией молодежи – здесь социологи в основном занимаются тем, что изучают своих студентов. Это знакомая и неопасная публика, легко доступная. А в остальном – почти пустота. Это очень проблематично, особенно если учесть, что в книгах и опросах, тем более в официальной статистике фигурирует как раз официальная информация об обществе, идеологизированная информация, которая отвечает интересам тех, кто ее составляет – интеллектуалам, оторванным от общества, политикам, коммерсантам. При таком подходе публичная социология маловероятна, поскольку такая социология, скорее, сверху твердит истины обществу без диалога с обществом.

Еще одна проблема, характерная для отечественной социологии, и которая затрудняет развитие публичной социологии – своеобразное восприятие объективности, как чего-то, обязательно сопровождаемого цифрами, схемами и процентами. Более того, объективность считается математически доказуемой и достигаемой. От таких иллюзий западные социологи, как мне кажется, давно отказались. Отсюда проблема – публичный социолог становится «необъективным социологом», поскольку, даже если он выступает на основании научного знания, он все же занимает какую-то позицию, и ее публично озвучивает. Можно сказать, что публичный социолог не отрекается от своей ангажированности. «Ангажированный» социолог – необязательно критический, и он отнюдь не социолог партии. Ангажированность, я бы сказала, это даже необходимое качество любого интеллектуала. Более того, любой интеллектуал – ангажирован. Разница лишь в том, насколько он это осознает, и, особенно, насколько он это открыто признает. Схематично можно сказать, что публичный социолог признает свою ангажированность, а социолог-идеолог всячески ее скрывает (иногда от самого себя).

Кстати, святая вера в «научную объективность», вкупе со слабой развитостью публичной социологии препятствует стремлению к реальной социологической объективности, которая, как я убеждена, является результатом открытых и обширных научно-общественных дискуссий, для участия в которых социолог должен честно объявить всем, откуда он говорит, с каких первоначальных позиций, на основании какого материала, и как он пытался, каким методом, нейтрализовать или тестировать первоначальное свое мнение. Если эта процедура соблюдена, тогда у коллег и читателей есть возможность судить о стремлении данного социолога к объективности. Если этого нет, социолог сам становится своим собственным судьей.

Заканчиваю рассуждение упоминанием о тенденции к коммерциализации социологии и вообще науки. Это общемировая тенденция, но она тем более охватывает отечественную социологию, что здесь нет сплоченного социологического/научного сообщества, готового этому сопротивляться. Хуже того, в официальных речах некоторых представителей отечественной социологии звучат, без доли критики, такие слова, как «рынок социологических услуг». Если социолог превращается в товар, у него нет никакого шанса превратиться в публичного социолога.

Что, с вашей точки зрения, входит в сферу публичной социологии? Как бы вы определили границы этого направления?

Боюсь, не очень хорошо понимаю вопрос. По-моему входит все то же самое, что и в социологию. Если социология изучает общество, то я полагаю, что придать публичность можно всему, что она изучает. Некоторые социологи, в частности Алан Турен, даже включили этот момент – обсуждение результатов исследования с объектом исследования – в свою методологию. Поэтому границы, если они есть – это границы самой социологии и сферы публичных (демократических) дебатов.

По отношению к каким (какого рода) темам/проблемам публичная социология сегодня возможна и необходима? Какие техники и методы в рамках публичной социологии больше подходят для разработки тех или иных проблем?

Ответ напрашивается сам собой – это все социально значимые проблемы общества. И при определении этих самых проблем как раз публичный социолог может внести свой собственный вклад, и не только в методы их решения. Дело в том, что, особенно в таком обществе, как Россия, со слабыми демократическими институтами, повестка дня диктуется, скорее, сверху – властью преобладающими, а насколько она соответствует реальным, насущным, проблемам общества – неизвестно. Поэтому здесь у социолога, играющего «публичную роль», огромное поле работы. Ему нельзя без вопросов подчиниться повестке дня, спущенной сверху. «Борьба с бедностью», «проблема миграции», «экстремизм», «терроризм» – это в основном официальная повестка

тремизм», «терроризм» – это в основном официальная повестка дня. Социологи могут предлагать нестандартные методы решения этих проблем, могут содействовать их переосмыслению, но еще лучше, если они могли, исходя из своего знания об обществе, переформулировать эти проблемы, а иногда – когда это обосновано – оспорить саму их актуальность. Ведь почему «терроризм», а не, например, вопрос самоопределения нации? Почему «бедность», а не вопрос социального неравенства или трудовых отношений? Почему «экстремизм», а не вопрос мобилизации разных групп населения.

То есть, я хочу сказать, что социолог может, по своей профессии, не придумать проблему, а обратить внимание на насущные для общества проблемы. Причем, о каком обществе идет речь? Социолог, по идее, не изучает абстрактное общество абстрактных граждан или потенциальных избирателей, а конкретные группы и конкретные сообщества. Говоря в целом об абстрактном обществе, он тем самым участвует в своего рода мистификации, поскольку мы, как социологи, знаем, что нет общества, о котором можно сказать, что оно «так думает», и «так делает». Говоря об абстрактном обществе, социолог участвует в том, что Буравой называет «разрушением публики», превращением общества в массу серых и неотличимых друг от друга абстрактных членов общества. А ведь если общество существует, оно обязательно многообразно, разделено в разных группах, сообществах, категориях... Не называя отдельные социальные группы и мало изучая их, социолог участвует в формировании общества социально неопределенных индивидов, в формировании, если хотите, «Единой России». Понятно, что это как раз то, к чему стремятся официальные идеологи, но должны ли социологи в этом участвовать?

Должны ли мы «научно» подтвердить, что идеал общества – это совокупность атомизированных индивидов? Социология нас учит, что, наоборот, общество без конфликтов не бывает, и что разделение по группам с разными интересами и идентичностями – обычное состояние общества. Весь вопрос в том, как регулировать эти конфликты, а не как их предотвратить. То есть, я хочу сказать, что я вижу главную роль публичной социологии в нынешней России в том, чтобы содействовать процессу оформления социальных групп. Буравой об этом говорит – социолог может сам создать свою публику. И Бурдые также обратил наше внимание на то, что называя (или не называя) вещи своими именами, социолог участвует в формировании или разрушении социальных групп. Публичные дебаты без публики и без плюрализма мнений невозможны. Раз этого почти нет в России, социологи могли бы как раз способствовать их появлению. Например, социолог села – установить диалог с крестьянами и участвовать в формировании «голоса крестьян». Социолог труда – то же самое с рабочими, ИТРовцами и т.п. Социолог миграции – с мигрантами. И так далее. А пока слышен только голос предпринимателей (и то, не всех) и бюрократов. Иногда еще возникает мифический

«средний класс», но что это такое, и как с этим «нечто» вести диалог, непонятно.

Из этого прямо вытекает метод – в основном полевое исследование и постоянное общение с «объектом» исследования. И «техника» – выступление в СМИ, публичные обращения, участие в публичных мероприятиях вместе со своей публикой. Уточню, что речь не идет о том, чтобы социолог стал чьим-то голосом, ни о том, чтобы он стал социологом отдельной группы или отождествлял себя с этой группой. Речь идет именно о диалоге и конфронтации знаний и мнений, о создании благоприятных условий для социального структурирования российского общества.

Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?

Вправе или нет, это неправильная постановка вопроса, поскольку в любом случае, как любой вид деятельности социология влияет на общество. Чаще всего, утверждают, что не имеют право влиять только те социологи, которые как раз больше всех влияют, правда, исключительно в сторону стабилизации и сохранения «статуса-кво». Однако блокировать социальные изменения – не меньшее влияние, чем деятельность, способствующая им.

Если вопрос о том, вправе ли социолог использовать свой статус и знание для сознательного воздействия на общество, ответу – да, вправе, как любой другой гражданин. Лучше, однако, если он этого не скрывает и делает это публично, указывая на то, что это его гражданская позиция, опирающаяся на его знание.

Причина состоит в том, что мнение социолога остается мнением, а не является истиной в последней инстанции. Его мнение любой гражданин может оспаривать, исходя из своего собственного опыта и взглядов. Здесь как раз образуются пределы его влияния – он не вправе влиять больше, чем любой другой гражданин. В публичной сфере его голос равен голосу любого другого участника публичных дебатов. Проблема возникает, если нет публичной сферы дебатов, если другие голоса представляются менее легитимными, если социолог злоупотребляет своим «научным» статусом.

Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)? Если да, то насколько эта тенденция глубока, в какой степени затрагивает практики социологического исследования и письма? Если нет – почему?

Есть некоторое оживление социологического сообщества, однако весьма (пока?) слабое и охватывающее очень небольшую часть социологов. Скажем так: очевидно желание все большего числа социологов

отказаться от роли пассивных приводных ремней официального дискурса, желание поднять голос против «одурачивания» народа. Однако, учитывая все препятствия на этом пути (финансовую зависимость, слабую развитость гражданских институтов, свертывание сферы публичных дебатов), эта тенденция не очень масштабна. Насколько она глубока, мне трудно судить, я далеко не все читаю и мало участвую в конференциях. Сужу по тому, что эмпирические исследования все же не очень развиты, что мало бывает мероприятий, где социологи открываются своей публике, мало социологических публикаций, написанных для широкой публики, слабо слышен голос социологов во время крупных общественных конфликтов – например, во время «монетизации льгот» или во время забастовки на Форде. Ситуация очень отличается от того, что мы наблюдаем во Франции, где социологи постоянно инициируют дебаты. До сих пор помню, какое значение (и какие последствия на самое движение) имели в ноябре-декабре 1995 году петиции социологов, условно говоря, одна, инициированная Бурдые – за забастовочное движение, другая, инициированная Туреном – против.

В России пока ничего такого не наблюдается. Отчасти потому что крупных социальных движений нет, хотя исходя из того, что социологи тоже участвуют в образовании и преобразовании общества, они могли как раз способствовать становлению гражданского общества. Это взаимосвязанный процесс: публичная социология помогает становлению гражданского общества, без существования которого она не может быть.

Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?

Я позволю себе не отвечать на этот вопрос, поскольку обычно не занимаюсь прогнозированием. Эта роль будет той, которую мы – социологи – захотим играть, в той мере, в какой мы сможем, при определенных социальных условиях. В одном я уверена – пока мы не будем доверять нашему обществу, не перестанем считать его стадом недемократических существ, которые ничего не понимают и ничего не могут, – до тех пор, пока мы не станем уважать людей, удивляться им, замечать все их противоречивые черты, – до тех пор у публичной социологии не может быть никакой роли.